

ГЛАВА ВТОРАЯ

Остготы и Теодорих. — Франки и Хлодвиг. — Император Юстиниан и вторичное завоевание Запада. — Лангобарды в Италии. — Франкское королевство в VI и VII вв.

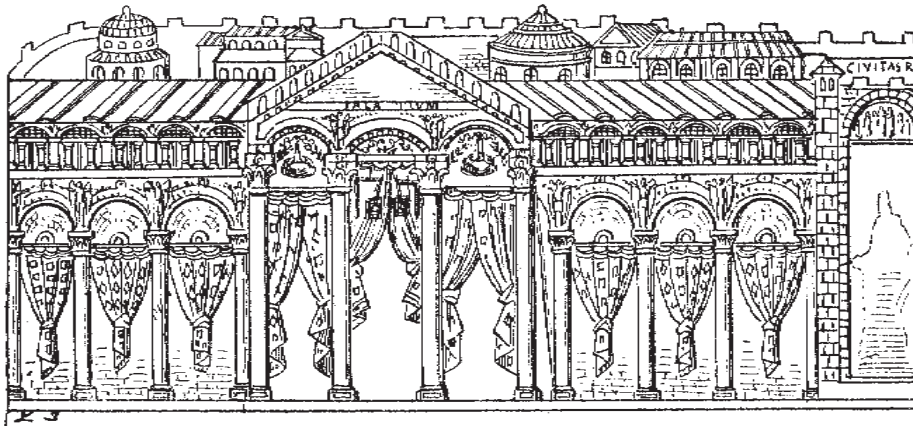
Господство *Одоакра* было непродолжительным. Оно еще не успело пустить глубоких корней и не было тягостным. Корысть его воинов была удовлетворена тем, что им раздали участки земли во владение: этим старались предупредить худшее в будущем. Во владение воинов Одоакра была отдана, таким образом, треть италийской территории. В управление городами и муниципиями, в существеннейших чертах сохранившими свой внутренний строй от древнейших времен Рима, Одоакр не вникал, а также не вмешивался в церковные дела: сближению его с местным населением Италии в значительной степени препятствовало то, что он был арианином, а они придерживались католической веры, утвержденной вселенскими соборами. С ним население несколько примирял титул патриция, данный ему императором. Власть Одоакра терпели как необходимое зло, которое могло быть невыносимее и тягостнее. Он по крайней мере лет на десять обезопасил альпийскую границу от новых вторжений с германской стороны и с этой целью вел даже кое-какие войны, например, против короля ругиев *Февы*, который осел по обоим берегам Дуная к востоку от Инна. Восстания в Италии Одоакр мог не опасаться, потому что ее население давно отвыкло от военных действий. Конец его владычеству был положен королем остготов *Теодорихом*, как и Одоакр, германцем по происхождению.

Господство
Одоакра.

Остготы жили в древней провинции Паннонии, простиравшейся на юг и на запад от среднего течения Дуная. Они были покорены гуннами и освободились из-под их ига, когда после смерти Атиллы разрушилось его царство. После славной битвы 454 г. при *Недао* (в Паннонии), где остготы вместе с другими германцами бились за свою независимость, они соединились под властью одного вождя, *Теодемира*. Его сын *Теодорих*, около десяти лет в юности проживший в Константинополе, попал туда заложником при заключении одного из договоров между его отцом Теодемиром и западно-римским императором. После смерти отца он был провозглашен королем остготов; но его отношения с Восточной Римской империей были неутешительны: ненадежный мир сменялся мелкими войнами, не приводившими ни к какому результату, и вот наконец император *Зенон* (474–491), придерживаясь коварной политики слабого, решил направить силы одного варвара против другого — Теодориха против Одоакра. У Теодориха собралось до 200–300 тысяч войска. При *Сонции* остготы, к которым присоединились остатки разных других племен, сразились с войском Одоакра. Теодорих победил и вскоре после этого нанес уже ослабленному врагу поражение близ *Вероны* (489 г.).

Остготы.
Теодорих.

Его быстрые успехи возбудили опасения в других соседних племенах, и у Одоакра появились союзники. Ему оказали помощь бургунды, между тем как вестготы поддержали остготов. На берегах реки *Аддуа* в августе 490 г. произошла третья битва, в которой сражались многие германские племена — герулы, ругии, остготы и вестготы, бургунды и вандалы, и Одоакр был разбит окончательно. Он поспешил укрыться в Равенне, выдержал продол-

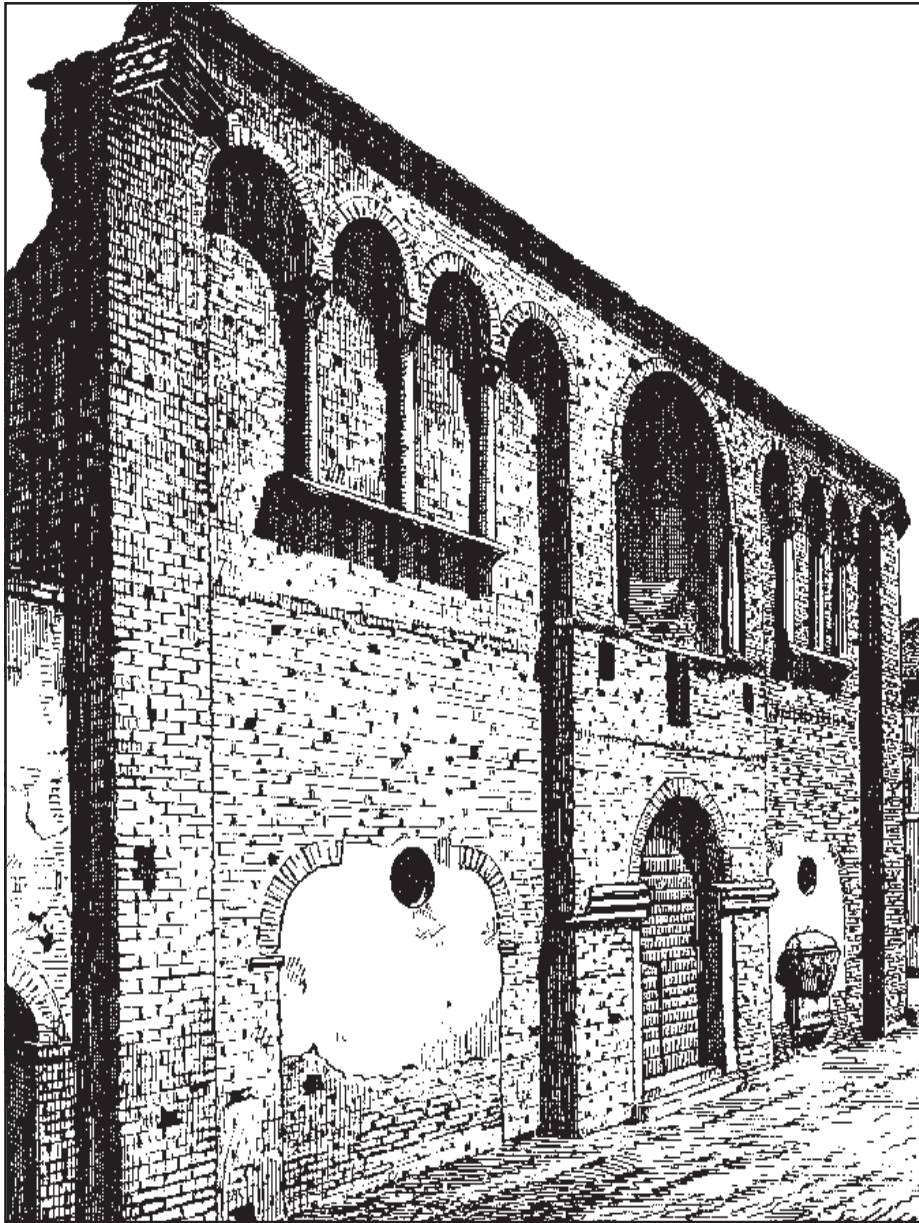

Дворец Теодориха в Равенне. Мозаика в церкви Сан-Аполлинаре-ин-Классе.

жительную осаду, наконец, терпя нужду во всем, вступил в переговоры с Теодорихом в феврале 493 г. и был изменнически им убит.

Политика Теодориха.

То, что не удалось осуществить Одоакру при посредстве небольшой и разноплеменной воинской силы, удалось привести в исполнение Теодориху, который опирался на надежную силу значительной и однородной массы своего народа. В течение его 33-летнего (493–526) правления Италия успела отдохнуть и оправиться. Прежде всего Теодорих вновь объединил под своим владычеством весь Апеннинский полуостров и прилегающие к нему острова, уступленные ему вандалами, и вернулся во внешней политике к давним приемам Римской республики: Рим старался отовсюду защитить открытую для нападения Италию, заняв подступы к стране и оккупировав ближайшие побережья. Такая политика увенчалась успехом: он распространил свое владычество на восток на Истрию, в 510 г. на юго-восточную Галлию (древнеримскую провинцию) с запада, на северо-востоке — до Дуная. Морские разбои вандалов он обуздал, выстроив для борьбы с ними тысячу мелких судов. С восточно-римским двором он умел ладить: на монетах приказал чеканить изображение императора, на всех публичных надписях выставлял имя императора первым, а свое ставил позади; в письменных отношениях с восточно-римским двором держался тех приниженных форм, которым там придавали большое значение. В Константинополе, где в 491 г. *Анастасий* наследовал Зенону, поневоле переносили то, чего нельзя было изменить, и только с 518 г., с воцарения *Юстина*, отношения к Италии поколебались, и в вину италийс-

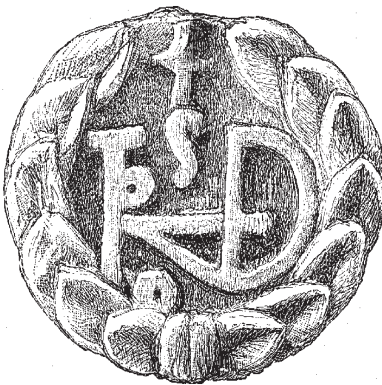

Развалины дворца Теодориха в Равенне.

кому королю Теодориху было поставлено, что он варвар и принадлежит к арианству. Но значение Теодориха в германском мире было очень велико, и мощный образ победителя при Вероне недаром сохранился в народной памяти, в произведениях народной поэзии. И действительно, Теодорих всеми силами старался поддерживать мирную связь с соседними германскими народами на основах существующего порядка, удержав за собой при этом владычество над центральной страной — Италией, упрочивая его политическими брачными союзами. Он выдал своих дочерей замуж за бургундских и

вестготских князей; сам избрал в жены дочь опаснейшего из германских вождей, франкского короля Хлодовеха (Хлодвига), беспокойного честолюбца, стремившегося к единоличному владению всей Галлией, которому Теодорих воспрепятствовал слишком беспощадно воспользоваться плодами его победы (507 г.) над союзом вестготских племен.

Италия в течение всего правления Теодориха наслаждалась благами прочного мира и сильной правительственной власти, которая, руководствуясь законами, проявлялась разумно и мягко. Великим благом было введение значительного количества свежих и сильных поселенцев, под их защитой романское население всюду могло заниматься мирной трудовой деятельностью, поскольку

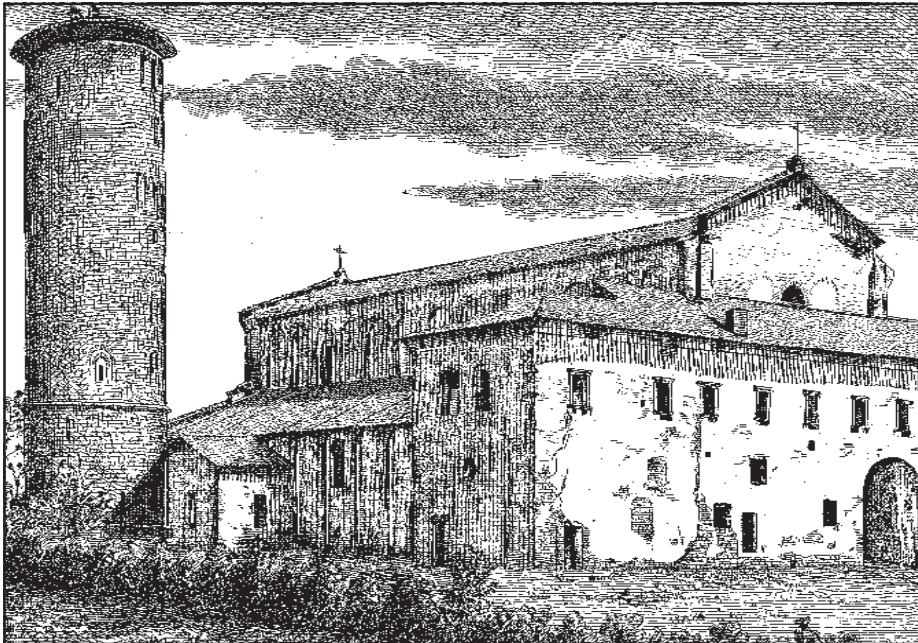

Италия
при Тео-
дорихе.

Монограмма Теодориха.
Барельеф на капители колонны.
Равеннская базилика.

они одни имели право носить оружие и не только сохранили, но даже усовершенствовали свою военную организацию. Торговля и промышленность ожили вновь; безопасность всюду была образцовая: каждый мог проезжать из конца в конец страны и перевозить свое имущество без малейшего страха, беспрепятственно въезжать в города, ворота которых были день и ночь открыты. Готы заняли в Италии приблизительно такое же положение, какое некогда занимали спартиаты в древней Лаконии, — положение воинской аристократии. На выделенных им участках они жили, руководствуясь народным правом, а коренное народонаселение жило по своим римским законам, которые Теодорих полностью признавал. Споры и тяжбы между готами и римлянами улаживал готский *граф* при помощи римского юриста, и общественные отношения, установившиеся между двумя народностями, прекрасно рисуются в поговорке того времени, которую приписывают Теодориху: «Знатный гот охотно принимает на себя роль римлянина, а бедный римлянин весьма охотно прикидывается готом». Но действительного слияния или хотя бы сближения этих элементов не было. Италийцы, обладавшие тысячелетней высоко развитой культурой, ненавидели и презирали своих победителей, которым вынуждены были подчиняться. Однако самым важным препятствием к сближению служила религия. Христианство готов представлялось ита-

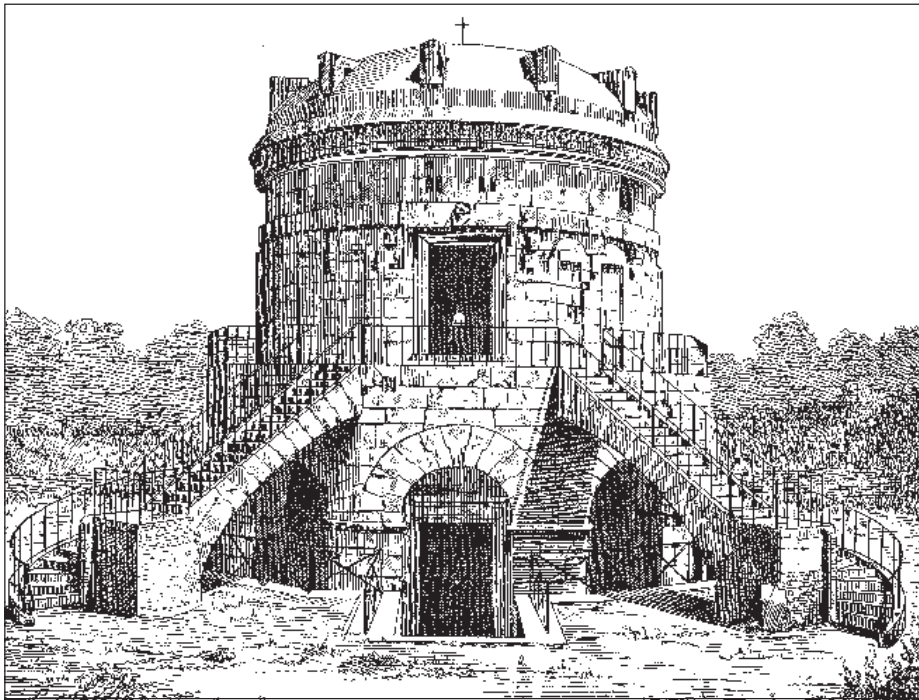
лийцам «арианской ересью», верованием необразованного, бедного и простого народа и притом формой религии, которая не давала простора влиянию священнослужителей. По сравнению с этой формой христианство римлян представлялось глубоко и тонко обдуманной, догматически развитой религией, в самом широком значении этого слова, и великолепное, торжественное служение римской церкви, несомненно, производило сильное впечатление на германских завоевателей. Теодорих отличался веротерпимостью и в высшей степени снисходительно относился к чувствам покоренных им италий-

Церковь Сан-Аполлинаре-ин-Классе (в конце XIX в). Построена в 549 г. н. э.

цев. Он только раз заглянул в Рим, а постоянно жил в *Равенне*, стараясь поддерживать самые дружеские отношения с римским духовенством и с его главой — римским епископом. Но даже таким способом он не мог обезоружить религиозную ненависть и высокомерие, хотя и не давал им повода к жалобам на преследования. Трудности занимаемого Теодорихом положения явственно проявились только к концу его правления, когда изменились его отношения к константинопольскому двору и заставили его опасаться действительных заговоров или даже их тени. В это время жертвами его подозрительности стали многие именитые римские мужи, в том числе погиб и *Боэций*, человек всеми уважаемый, замечательный государственный деятель, философ и писатель, пользовавшийся вниманием самого Теодориха. Это про-

изошло в 524 г., а два года спустя, в 526 г., Теодорих умер в своем равеннском дворце, на 37-м году своего правления, на 33-м году после вступления в Италию. Господству готов грозили большие опасности, тем более что Теодорих не оставил сына, и власть перешла к 10-летнему внуку *Аталариху*, за которого в качестве регентши правила его мать *Амаласвинта*.

Мавзолей Теодориха в Равенне (вид в конце XIX в.).

Ротонда покрыта круглым монолитным каменным блоком диаметром 11 м. Воздвигнут в 530 г. в качестве гробницы Теодориха его дочерью Амаласвинтой. Позже был взломан, гроб вскрыт, останки разбросаны. Впоследствии превращен в католическую часовню.

Галлия
до Хлод-
вига.

В то время, когда остготы осели в Италии, в Северной Галлии образовалось германское государство при гораздо более благоприятных условиях, нежели готское государство в Италии. Незадолго до этого момента, когда последний из западно-римских императоров сошел с исторической сцены, Галлия была разделена на 5 или 6 самостоятельных частей. Юго-восточная часть, от Пиренеев до Луары, входила в состав *Вестготского государства* и была его важнейшей частью, в которой находилась столица *Толоза*. Их соседями на востоке, в долине Роны и Соны, были *бургунды*; на западе на одном из полуостровов утвердились *бритты*, вытесненные из-за моря англосаксами; от них полуостров получил название *Бретани*. Севернее страна

от Луары до Соммы составляла римскую провинцию, которой правил некий *Сиагрий* в качестве патриция или «графа» империи. На этот остаток прежней римской территории с юго-востока, с верховьев и среднего течения Рейна, наступали *аламанны*, давно уже перешедшие Рейн; с севера, с низовьев Рейна, двигались *франки*, уже успевшие завладеть всей территорией от Северного моря до Соммы и Мааса, т. е. нынешними Голландией и Бельгией. Франки разделялись на две большие группы: *рипуарских франков*, столицей которых был римский город *Колония*, и *салических франков*; последними правил сикамбрский род *Меровингов*. Франки и аламанны были язычниками, бургунды и вестготы — христианами арианского толка, между тем как исконное население Галлии, обращенное в христианство еще в IV в., принадлежало к католической церкви. Франки, продвигаясь вперед медленнее прочих германских народов, появившихся на римской территории, тверже их укоренялись на своих новых поселениях; они все быстро перешли к земледелию и образовали много маленьких отдельных государств под властью королей.

В 481 г. умер *Хильдерик* Меровинг, и его 15-летний сын *Хлодвиг*, или *Хлодовех*, был провозглашен королем салических франков. У него не было благородных рыцарских качеств германских королей-воинов — это был истый варвар, алчный до власти и корысти, которого не коснулось высшее развитие римского мира, даже среди своего падения и растления способного действовать возвышающим и облагораживающим образом на таких деятелей, как *Теодорих*. Христианство также не оказало на *Хлодвиг* ни малейшего влияния: и будучи язычником, а впоследствии христианином, он действовал без зазрения совести там, где речь шла о расширении его власти и владений.

Он медлил недолго: в 486 г. 19-летним юношей *Хлодвиг* во главе своей дружины напал на *Сиагрия*, разбил его при *Суассоне* и, когда тот был выдан ему запуганным вестготским королем *Аларихом II*, велел его казнить. Завоевание страны не было затруднительно, т. к. римскую власть население не любило. Города капитулировали один за другим и переходили на сторону победителя, который получил возможность наделить своих дружинников землей, не стесняя высшие классы романского населения. Казенных земель и конфискаций, неизбежных при каждом завоевании, оказалось достаточно, чтобы снабдить короля и всю его свиту аллодами (уделами).

В 493 г., в год поражения *Одоакра*, юный король вступил в брак, обильный последствиями. Он женился на *Хродехильде*, дочери бургундского короля *Хильперика*, убитого родным братом *Гундобадам*. *Хродехильда* вскоре сумела подчинить супруга своему влиянию и, будучи ревностной христианкой, стара-

Печать *Хильдерика*, короля салических франков (458–481).

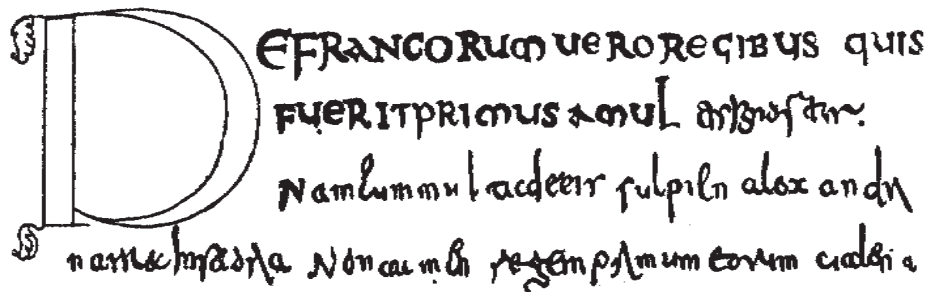
Король одет в туннику и броню, в руке — копье.
Надпись по кругу: CHILDIRICI REGIS (печать короля *Хильдерика*).

Хлодвиг.
481 г.

Победа над Сиагрием.

Разгром аламаннов.
486 г.

лась всеми силами обратить Хлодвига в свою веру. Богословские прения супругов, как их передает историк франков епископ *Григорий Турский*, дают возможность заглянуть в круг понятий этих франкских вождей. Хродехильда настаивала, чтобы ее супруг молился истинному Богу, создавшему небо и землю; Хлодвиг возражал, что небо и земля скорее созданы его богами. «Ваш Бог, — замечал он жене, — очевидно, существо слабое, — да к тому же он и родом-то не из богов». Но, несмотря на эти рассуждения, он согласился крестить старшего сына; но этот сын умер. «Будь он посвящен во имя моих богов, и теперь бы еще был жив», — заявил опечаленный король. Некоторое время спустя у королевы родился другой сын: заболел и этот, но благодаря молитве

Фрагмент рукописи Григория Турского.

Две первые строки написаны унциальным шрифтом, использовавшимся с IV в. и сохранившимся как книжный до конца VII в. Остальное — т. н. каролингский минускул.

Хродехильда выздоровел. Вопрос о принятии христианства занимал короля, и он ясно осознавал выгоды подобного шага; но его останавливало соображение, что языческие боги доставляли победы ему и его войнам, а христианский Бог, Бог побежденных, выказал себя не особенно могущественным. Война подала повод к тому, чтобы Хлодвиг решился наконец сделать шаг, необходимость которого была очевидна. Аламанны, которым готское королевство мешало продвинуться на юг, давно уже теснили рипуарских франков и их короля *Сигеберта*, при новом нападении аламаннов призвавшего Хлодвига на помощь (496 г.). Между Рейном и Маасом, при *Тольбиаке*, дело дошло до битвы, и в этой битве Хлодвиг впервые обратился к Богу христиан со своей языческой молитвой: «Иисус Христос, — так передает эту молитву Григорий Турский, — Хродехильда говорит, что ты сын Бога живого и даруешь победы тем, кто на тебя уповаet: если ты даруешь теперь победу мне, то я в тебя стану верить и дозволю себя окрестить во имя твое: ибо я взывал к своим богам, но они мне не оказали помощи». И вот победа, колебавшаяся то на ту, то на другую сторону, была решена: аламанны обратились в бегство. Их поражение было полным. Они утратили значительную часть своей территории, которую Хлодвиг затем взял себе, включив ее в достояние короны, а некоторую ее долю разделил на участки между своей знатью и войнами. В то время даже часть Баварии и часть Вюртемберга отошли к франкским владениям, и только определенно выраженная воля Теодориха воспрепятство-

вала франкскому королю еще шире раздвинуть пределы своих владений. Но аламанны после нанесенного им поражения утратили всякое значение среди германских племен.

После победы Хлодвиг не замедлил исполнить свой обет, что было вдвойне необходимо и еще легче сделать теперь, когда его власть распространилась на новые обширные области. Христианство уже составляло в то время великую духовную силу, правившую всеми мирскими делами, и было совершенно ясно, что прочная власть могла установиться на романской почве только в том случае, если победоносное меньшинство будет иметь одну веру с большинством побежденных. Особенно благоприятным в данном случае было то, что Хлодвиг имел возможность свободно выбирать между обеими формами исповедания, господствовавшими в то время, — католической и арианской. Он не колебался избрать первую, тем более что она уже преобладала над арианством, и даже среди германцев переходы из арианства в лоно католической церкви были не редки (так, например, было с бургундами). Один из ревностнейших противников арианской ереси, реймский епископ *Ремигий (Реми)*, совершил крещение над Хлодвигом и его дружиной. Это происходило в Реймсе, в Рождество 496 г., здесь проявилось то умение, с которым духовенство того времени привлекало к себе этих грубых воинов. По-видимому, франки не особенно охотно переходили из язычества в христианство, расставаясь со старыми богами, которые, на их взгляд, не были так худы и баловали их в последнее десятилетие немалыми успехами. Но их король решился на этот шаг. Его обращению старались придать возможно более торжественную обстановку: улицы города были украшены; церковь, где приготовили купель, была увешана белыми занавесами и освещена множеством горящих свечей. «Весь храм, — с одушевлением повествует Григорий Турский об этом великом историческом событии, — был исполнен небесного благоухания, и Бог излил столь великую благодать на всех, присутствовавших в то время в храме, что всем казалось, будто они в раю и вдыхают его благоухания». И действительно, со стороны Хлодвига нелегко было решиться на этот шаг. «Склони главу твою, сикамбр, — так обратился к королю епископ, — поклоняйся тому, что доселе преследовал, и преследуй то, чему доселе поклонялся». Известие о крещении Хлодвига во всем романском мире возбудило великую радость и ликование. По этому поводу Григорий Турский сообщает множество примеров той непримиримой ненависти, с которой все, принадлежавшие к католической церкви, относились к исповедовавшим арианство. И эта ненависть, это религиозное разъединение и были тем зародышем гибели, которое уже носили в себе остальные германские государства: в этом смысле государству Хлодвига предстояло великое будущее. Он стремился обладать нераздельно всей Галлией и уже знал заранее, что все епископы, все духовенство и все романское население будут на его стороне.

Подчинение бургундов не удалось; власть над ними упрочилась в руках *Гундобада*, убийцы отца Хродехильды. Что же касается борьбы с вестготами, которую Хлодвиг начал в 500 г., то он и сам называл ее «религиозной войной». Григорий Турский вкладывает ему в уста такие речи: «Мне больно

**Крещение
Хлодвига.**

**Бургунды
и вестготы.**

видеть, что часть Галлии находится в руках этих ариан; пойдем на них войной, одолеем их с Божьей помощью и завладеем их страной». Битва, решившая судьбы Галлии, произошла при *Вуйе*, недалеко от Пуатье. Готы и их король Аларих II бились храбро, но войско Хлодвига, по-видимому, оказалось более выносливым и лучше организованным: готы были разбиты, сам Аларих пал в битве или во время бегства, и Хлодвиг завладел всей страной до самой Гаронны. Остальные владения готов в Галлии и Испании были спасены только вмешательством Теодориха, который тщетно пытался воспрепят-

Перстень-печатъ
Алариха II.

ствовать войне, разгоревшейся между двумя родственными ему королями. Остатки готского королевства перешли во власть несовершеннолетнего *Амалариха*, сына погибшего в битве Алариха. В это время Хлодвиг получил от константинопольского двора титул патриция и проконсула — неизвестно, по просьбе ли или без ходатайства, по расположению восточно-римского правительства. Этот титул значительно облегчил слияние двух народностей и даже в среду приближенных короля внес некоторое равновесие. Двор Хлодвига, теперь находившийся в *Лютеции (Париже)* — естественном центре Галлии, был неоднороден по составу: здесь можно было увидеть и епископов, и знатных вельмож романского происхождения, и грубых представителей разношерстной франкской дружины.

Слияние
франков.

Последним делом Хлодвига было слияние рипуарских франков с салическими. Он подчинил своей власти мелкие владения в стране салических франков и выказал при этом много хитрости и жестокости. Короля рипуарских франков Сигеберта он устранил, подговорив его собственного сына убить отца; а затем подослал к сыну убийц. После этого он был провозглашен королем рипуарских франков. Но этому едва ли можно удивляться, поскольку нравственный уровень тогдашнего духовенства был далеко не высоким. Григорий Турский, подробно излагая все эти ужасы, наивно добавляет: «Бог, что ни день, преклонял пред ним врагов его и распространял его царство...» В 511 г. Хлодвиг умер в расцвете лет и мужественной силы.

Наследники
Хлодвига.
511 г.

Хлодвиг оставил четырех сыновей — *Теодориха*, *Хлодомера*, *Хильдеберта* и *Хлотаря*. Тотчас же выяснилось, что наследники Хлодвига не понимали возложенной на них государственной задачи: они поделили королевство отца на четыре части, и каждый избрал себе столицу — Реймс, Орлеан, Париж, Суассон. Настоящим наследником был старший сын Теодорих, родившийся не от брака с Хродехильдой. Несмотря на это разделение власти и на последствия, какие оно имело во внутреннем управлении, мощь франков в ближайшие десятилетия проявилась новыми воинскими предприятиями: так, например, в 551 г. франкское войско победоносно оттеснило тюрингов от их западной границы; в 534 г., после долгой борьбы, был положен конец и Бургундскому королевству.

В то время как это происходило на Западе, на Востоке уже шли приготовления к такому предприятию, которое угрожало господству франков не только в настоящем, но и в будущем. При восточно-римском дворе было принято решение вновь восстановить единство Римской империи и вооруженной рукой положить конец захватам владений и власти на Западе.

На эти узурпации в *Константинополе* никогда не смотрели как на нечто окончательно решенное. Там еще живо было сознание единства империи, величавое и громкое наименование «Римской империи» было не пустым

Политика
Византии.

Император Юстиниан.

Монеты: Теодориха I, короля франков (511–534); Хильдеберта I (511–558) и Храмна, сына Хлотаря I; Хлотаря I (511–561).

словом. Обыкновенно, описывая внутреннее состояние Восточной Римской империи, обращают внимание на две бытовые черты как на характерные и выдающиеся: на *догматические споры* и на борьбу *партий цирка*. Но эта до самозабвения доходящая горячность в религиозных спорах не может быть названа характерной чертой, т. к. она проявлялась не только в Восточной Римской империи и не только в это время; да и едва ли заслуживает приписания та черта человеческой природы, которая, проникнув в область религиозного мышления, страстно стремится разгадать, расследовать его тайны. При всех подобных спорах случается, а тут это случалось особенно часто, что спорящие не сходятся в словах, и из-за одного слова возникают партии, которые, следовательно, не более осмысленны, нежели пристрастие к голубому или зеленому цвету одежды возниц при конских ристаниях в цирке, которыми тоже страстно увлекалось в ту пору все население Константинополя. Это явление не было ни новым, ни характерным, — уже в последние годы Римской республики пристрастие к такому рода играм проявлялось с болезненной горячностью. Иноземцы, посещавшие Рим, уже и тогда удивлялись, до какой степени эти игры были предметом всех разговоров в столице: а чем более деспотизм и его чиновничество подавляли в столичном населении живой интерес к важным вопросам действительности, тем более страстно оно должно было относиться к подобным пустякам. Вместе с другими пороками и безобразиями древнего Рима эта страсть к играм цирка была перенесена в «Новый Рим» и, как это часто бывает, возросла и достигла наконец чудовищных размеров. Сначала в цирке существовали четыре цвета, по которым отличали запряжки коней, их возниц и их собственников; позднее только два цвета — *зеленый* и *голубой*, и каждый из присутствующих почитал долгом стать на сторону тех или других. Возможно, что за этой принадлежностью к партиям цирка скрывались и церковные, и политические интересы различных групп населения. И как ни была своеобразна эта картина политической борьбы партий по отношению к некоторым сторонам обще-

ственной жизни, эти выдающиеся в ней стороны не были важнейшими для государства, которое императоры *Зенон* (с 474 г.), *Анастасий* (с 491 г.) и *Юстин* (с 518 г.) всеми силами старались укрепить после бурных событий последней половины века. И действительно, всюду в государстве царил по-

Серебряная монета Юстиниана (527–565).

рядок в управлении, избыток в государственной казне, и войско вновь было приведено в такое положение, в котором оно представляло собой грозную силу. В 527 г. на престол вступил племянник Юстина *Юстиниан*, находясь во вполне зрелом возрасте — ему было 45 лет. С его именем связано бессмертное деяние, некогда задуманное великим Цезарем, которое мог-

ло быть совершено только теперь, 500 лет спустя: полное собрание римского права в виде громадного сборника законов — *Corpus juris Romani*, над составлением которого с самого начала его царствования трудились целые комиссии замечательных юристов. В основных чертах оно было закончено к 529 г. Собрав в наглядном сопоставлении результаты тысячелетнего развития права, Юстиниан закрепил одно из великих достояний человечества, в принципе положил конец рабству и воздвиг своему царствованию такой же прочный памятник, какой воздвиг торжествующей *православной церкви* в виде громадного *храма св. Софии* («Премудрости Божией»). На мгновение могущество Юстиниана было потрясено призраком партий цирка. Император оказывал покровительство «голубым», и в 532 г. вдруг разразилось такое восстание «зеленых», что и трон, и жизнь императора оказались в опасности. Однако его спасла энергия супруги *Феодоры*, которая недаром из весьма двусмысленного положения была возвышена в супруги императора и увенчана саном «августейшей». Она вынудила Юстиниана не торопиться с решением, а между тем *Велисарий*, замечательный полководец, уже прославившийся в войнах с персами, успел при помощи надежного войска подавить восстание и залить его пламя кровью «зеленых». Этому полководцу было поручено выполнение великого замысла — восстановление единой Римской империи, к которому церковь относилась сочувственно, т. к. с этим было связано искоренение арианской ереси. С персами был заключен мир, и в июне 533 г. флот в 60 кораблей (с 16 тысячами пехоты и 5 тысячами конницы) вышел из константинопольской гавани, чтобы освободить провинцию *Африку* из-под власти вандалов.

Поход
против
вандалов.
533 г.

Вандалы считались суровейшим из всех варварских народов, обрушившихся на территорию Римской империи. Им пришлось осесть в той провинции, которая наиболее изобиловала пороками утонченной цивилизации: недаром один из христианских писателей того времени называет Африку «клоакой пороков» — *sentina vitiorum*. Более чистые нравы, которые тот же писатель (*Сальвиан*) хвалит у вандалов, недолго стояли против напора страшно-

го разврата: хищные и суровые вандалы, озлобленные упорным сопротивлением местного населения, стали править жестоко, но вскоре переняли от побежденных укоренившиеся пороки. Дух религиозного фанатизма, отчасти пробужденный борьбой, происходившей здесь с догматистами, вскоре завладел и вандалами, которые задумали навязать свое арианство местному населению, ревностно преданному католической церкви. Но завоеватель страны *Гейзерих* скончался в 477 г., а вместе с тем были приостановлены и ослаблены и яростные арианские преследования. При более мягком правителе *Хильдерике* (с 523 г.) были приняты меры к умиротворению этой религиозной вражды и к установлению некоторой веротерпимости, но было уже поздно: все местное население проникнулось страшной злобой и ненавистью против вандалов и жаждало освобождения и отмщения своим притеснителям. Хильдерик в 530 г. был свергнут *Гелимером* или замещен им, и на долю Гелимера выпала трудная задача — защитить владычество ненавистного меньшинства (число вандалов не превышало 80 тысяч человек) против полководца, способного воспользоваться всеми выгодами положения. В сентябре 533 г. Велисарий высадился в Африке; столь грозная в былое время морская сила вандалов была уже не той. Несколько городов тотчас же открыли ему ворота, и уже первая битва в 10 милях от Карфагена повлекла за собой утрату столицы. Велисарий не замедлил восстановить сильные укрепления этого города, пришедшие в упадок под властью вандалов. Гелимер попытался еще раз вступить в битву с Велисарием; но, несмот-

Византийская ткань. Париж. Лувр.

В центральном медальоне — изображение цирковых игр. Персонажи с рогами изобилия, откуда сыплются маленькие диски, символизируют, по-видимому, раздачу консулами денег народу в дни игр.

рассмотренного, не замедлил восстановить сильные укрепления этого города, пришедшие в упадок под властью вандалов. Гелимер попытался еще раз вступить в битву с Велисарием; но, несмот-

ря на численное превосходство своего войска, он потерпел поражение, и к весне следующего, 534 г. завоевание Африки было закончено. Гелимер, потеряв боевой дух, сам не захотел продолжать борьбу и принял помилование, которое ему предложил от имени императора победитель. Таким образом, владычество вандалов было развеяно прахом в три месяца. С Гелимером обошлись снисходительно; когда он, после триумфа, которого был удостоен

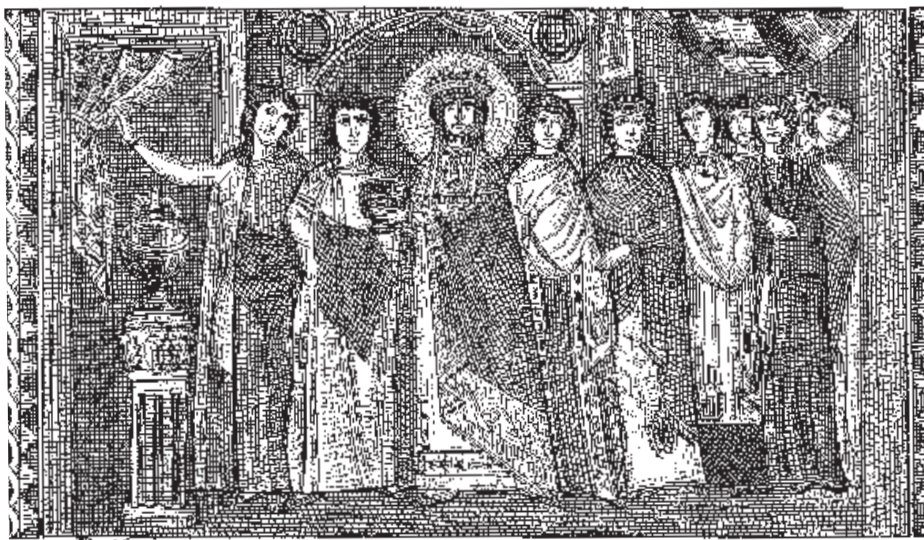
Собор святой Софии. Внешний вид.

На рисунке удалены минареты, достроенные турецкими султанами после завоевания города.

Велисарий, бросился к ногам императора, ему было указано поместье в Галатии как постоянное место жительства, где он несколько лет спустя и умер. Часть вандалов, которая не захотела покориться римлянам, удалившись в страну мавров, еще некоторое время продолжала борьбу. Африка по-прежнему осталась римской провинцией, а вскоре и Сардиния подчинилась власти восточно-римского императора.

Начало великого замысла было выполнено; более трудная его часть — вторичное завоевание Италии и Испании — еще предстояла. Дочь Теодориха *Амаласвинта*, правившая остготским королевством за несовершеннолетнего наследника престола, была женщиной умной и образованной, но не годилась в правительницы для военного государства, нуждавшегося в мужской руке. Она постоянно слышала от окружающих укоры в том, что она и будущего короля остготов воспитывает как римлянина, а эти гордые победители относились к римскому образованию свысока, с наивной грубостью невежества. Но вскоре воспитываемый Амаласвинтой наследник умер. Она предпо-

**Остготы
после
смерти
Теодориха.**

Мозаика в церкви Сан-Витале. Равенна.

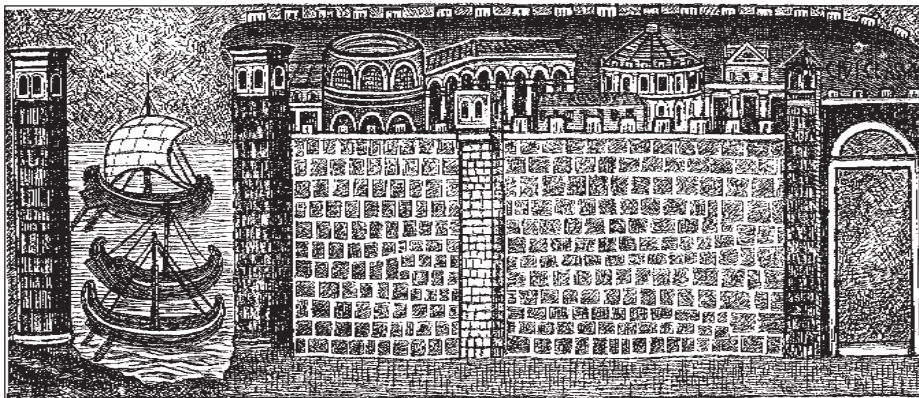
Император Юстиниан (вверху). По правую руку от него — придворные и стража, по левую — епископ Равеннский Максимиан и духовенство. Церемония освящения церкви.

В руках императора — чаша, предназначенная в дар церкви.

Супруга Юстиниана императрица Феодора (внизу), окруженная придворными дамами.

В руках у нее — чаша, предназначенная в дар церкви.

ложила, что удержит власть в своих руках, приняв в соправители одного из родственников — *Теодохада*. При этом она удержала за собой первое место в правлении, и вполне справедливо, т. к. новый король был человеком малоспособным, занимался только, во вкусе того времени, богословскими тонкостями и совсем не годился в вожди готской воинственной знати. Но чем меньше значения он имел, тем более требовал к себе внимания. Поэтому он решил избавиться от королевы и сначала посадил ее в заточение, а потом, по

*Укрепленный порт в Равенне.
Мозаика в церкви Сан-Аполлинаре-ин-Классе.*

требованию ее врагов, приказал убить (535 г.). Поскольку Амаласвинта поддерживала постоянные отношения с императором Юстинианом (а этот германо-романский мир был полон лжи и невежества), то ее убийство дало ему удобный предлог для вмешательства.

**Велисарий
в Италии.
Война
534—
540 гг.**

Велисария вновь было поручено начальство над всеми войсками. Экспедиция направилась сначала в Африку, которая была избрана удобной опорной базой. Еще раз убедившись в тесной связи этой провинции с империей, Велисарий переправился в Сицилию и захватил остров без всякого затруднения, т. к. только в Палермо он встретил некоторое сопротивление со стороны готского гарнизона. Теодохад, напуганный наступлением римских войск с севера, из Далмации, поспешил начать переговоры, и, таким образом, было упущено время к отражению нападения, и Велисарий в 536 г. завоевал всю Южную Италию, от Регия до Неаполя, взяв и этот город после непродолжительной осады. Только тут уже наполовину побежденная нация ободрилась и решила дать отпор. На шумном народном собрании около Рима готы провозгласили королем *Витигиса*, бывшего оруженосца Теодохада, воина испытанной храбрости, хотя и не знатного происхождения; а несчастный Теодохад был убит во время бегства в Равенну. Когда войско Велисария приблизилось к Риму, в городе произошло восстание; готский гарнизон отступил в Равенну, где Витигис собирал все воинские силы, и Велисарий провел рожде-

стенские праздники уже в древней столице империи, ключ от которой отправил императору в Константинополь (536 г.). Но на этом его успехи закончились: весной 537 г. Витигис явился под стены Рима с готским войском гораздо многочисленнее небольшого войска Велисария. С изумительным искусством вел Велисарий оборону города, даже когда его стал теснить голод, вызвавший в городе попытки предательства. Стена Аврелиана оказалась надежным оплотом; когда же наконец прибыли нетерпеливо ожидаемые подкрепления, готы уже настолько истощились долгой осадой, что вынуждены были ее снять (март 538 г.), и Велисарий вновь перешел к наступлению. Падение готского владычества казалось близким, город Милан восстал против них, а оба полководца — Велисарий и евнух *Нарсес*, подоспевший к нему с подкреплениями — собирались подступить к Равенне, последней позиции остготов, как вдруг неожиданным препятствием этому движению стало иноземное вмешательство в войну и раздор, возникший между полководцами. До этого франкские короли держались в стороне от борьбы: в их прямых интересах было желать, чтобы борьба готов с римлянами продлилась подольше, взаимно ослабляя ту и другую сторону. Но теперь, когда гибель готов была близка, король *Теодоберт*, человек дальновидный, правивший австразийской частью Франкского государства, согласился на просьбы Витигиса, доведенного до отчаяния: он приказал бургундо-франкским полчищам двинуться в Италию и оказать помощь готам при усмирении миланского восстания. Это приказание короля было выполнено в точности, и бургундские вспомогательные войска приняли свою долю участия в кровавой мести населению и в грабеже Милана. На следующий год сам король Теодоберт явился в Италию с большим войском, не объявляя, против кого он собирается воевать. Опустошив Северную Италию, он вновь удалился (539 г.). Наконец, в 540 г. Велисарий достиг своей цели. Он двинулся к Равенне и осадил ее, между тем как Юстиниан, который уже начинал опасаться подвигов своего полководца, склонился к принятию тех мирных предложений, с которыми обращались к нему доведенные до крайности готы. Когда они, измороженные голодом, не могли больше держаться в Равенне, то пришли к странному решению, достойному воинственного народа: они предложили своему победителю быть королем готов и всей Италии — и, конечно, если бы Велисарий принял это предложение, то

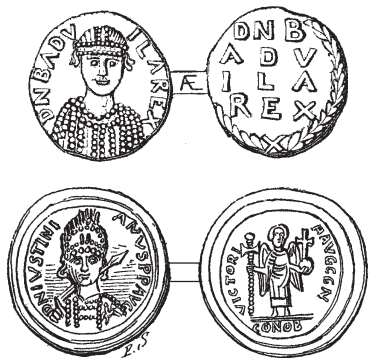
Монеты Теодоберта I
(534–547).

Верхний рисунок. АВЕРС. В поле — погрудное изображение короля с державой в руке. Надпись по кругу: DN THVODIBERTVS. РЕВЕРС. В поле — архангел с крестом и державой. Надписи по кругу: VICTORIA CCC и O VICTORI.
Нижний рисунок. АВЕРС. В поле — погрудное изображение короля. Надпись по кругу: THEODEBERTVS VICTOR. РЕВЕРС. В поле — архангел, а также звезда и буквы VO (по-видимому, *Вопоніа*). Надписи по кругу: VICTORIA AYCCI и в нижнем секторе CONOB (означает, вероятно, полномочия, полученные от византийского императора).

никто бы не был этим удивлен. Но не таков был Велисарий: он был монархистом по убеждению, и высшей целью его честолюбия было честное служение императору на пользу Римской империи. Поэтому он воспользовался расположением к нему осажденных — не принял лично касавшиеся его

предложения, но и не отверг: от имени Юстиниана он завладел городом. Вскоре вслед за этим последовало подчинение других городов; между тем, все съезжавшиеся в это время в Равенну остготские князья предполагали, что цель их съезда — провозглашение нового короля.

Однако преданность Велисария императору была выше подобных соблазнов. В блеске своих побед и славы он получил императорский указ, отзывавший его из Италии. В самых изысканных выражениях ему было предложено командование греческими войсками во вновь разгоревшейся войне против персов. Он немедленно повиновался, захватив с собой наиболее ценную часть добычи — казну Теодориха и самого важного из

Велисарий отозван.

Монета Тотилы (541–552) и золотая монета Юстиниана (527–565).

своих пленников, свергнутого короля Витигиса и, приехав в Константинополь, принес в дар императору эти несомненные доказательства победы. С Витигисом обошлись хорошо, и т. к. он отрекся от арианства, то получил даже высокий сан патриция, которого не был удостоен менее покладистый король вандалов, не пожелавший изменить арианству.

Король Тотила.

После отъезда Велисария положение в Италии сразу изменилось. Готы прониклись уважением к своему победителю и лично Велисария обязались повиноваться в заключенном с ним договоре. Чуть только он покинул Италию, всюду опять поднялся мятеж. После нескольких неудачных попыток нашелся и настоящий вождь в лице *Тотилы*, племянника Витигиса, оправдавшего выбор народа рядом блестящих успехов. Готы быстро вернули себе власть; и романское население на опыте убедилось, что правление готов, может быть, несколько суровое, все-таки менее тягостно, нежели императорское, с его невыносимой системой податей, от которой особенно страдало внегородское население. Императорские войска, ограниченные по численности, стали опасаться ухудшения положения, тем более что уже не было их главной опоры — гениального вождя, к которому они привыкли. Надежды готов вновь оживились, и в 541–544 гг. они успели восстановить свое господство над всеми южными областями Италии — Луканией, Апулией и Калабрией. Императорский двор должен был вновь послать Велисария в Италию. Но, как это часто случается в единодержавных правлениях, где дело решает воля одного лица, нередко поддаваясь совершенно противоположным влияниям — в Константинополе стремились достигнуть цели, не выделяя средств на ее выполнение. Велисарий ничего не мог сделать теми небольшо-

ми войсками, какие находились в Италии и едва могли удерживать города. Таким образом, в декабре 546 г. Тотиле удалось вернуть Рим под власть готов. Правда, через некоторое время Велисарий посчастливилось вновь завоевать Рим; но т. к. и после этого отчаянного усилия ему не прислали подкреплений и он не мог закончить войну против готов, также истощенных ею, то в 549 г. он был вторично отозван в Константинополь.

И вот вся страна вновь оказалась в руках готов. Тотила перенес в Рим столицу вновь прочно установившегося Остготского королевства. Острова Сицилия, Сардиния, Корсика вторично подчинились власти готов. К чести Тотилы следует сказать, что он не вознесся и попытался заключить мирный договор с императором Юстинианом; но тот, хоть и был ни воином, ни особенно дальновидным государем, обладал известным упорством, побуждавшим его всегда доводить дело до конца. Ему была очевидна слабость готов, для большинства населения чуждых, извне вторгнувшихся иноплеменников. Действительно, как только в Италию проник слух о новых военных приготовлениях в Константинополе, тотчас же оживился мятежный дух в местном населении. Для этой второй и более настойчивой попытки завоевания Италии Юстиниан удачно избрал евнуха Нарсеса, уже руководившего войсками в Италии во время первого похода и притом умевшего искуснее простодушного Велисария достигать своих целей среди непрерывных козней и интриг константинопольского двора. Ему была дана достаточная военная сила, с которой он с севера подошел к Равенне, где еще держался греческий гарнизон. Соединив здесь все свое войско, Нарсес сразился с Тотилой в открытом поле. Сражение произошло при *Тагине*, деревеньке в окрестностях Рима. Здесь готы понесли тяжкое

Война
550—
553 гг.
Падение
готского
государ-
ства.

*Остготский воин. Мраморный
рельеф первой половины V в.
Равенна. Часовня гробницы
эцарха Исаака.*

поражение, более гибельное вследствие того, что в битве пал их король. Нарсес победителем вступил в Рим, который, таким образом, пятый раз в течение царствования Юстиниана перешел из рук в руки (552 г.). Тем временем готы, отступившие на север, избрали себе в Павии нового короля *Тейю*, решившегося еще раз вступить в битву с римским войском. В Кампании у подножия *Молочной горы* (Монте-Латтаро) близ реки *Сарн* (Сарно) произошла последняя битва римлян с готами, закончившаяся сокрушительным поражением последних. Их новоизбранный король выказал себя достойным представителем своего мужественного народа. По рассказу римского летописца, он бился в самой середине ожесточенной сечи; все метательные копья римлян были направлены в него, и пока он менял щит, отягощенный засевшими в нем дротиками, роковой удар поразил его насмерть. Дружина, верная германскому обычаю, согласно которому дружинники считали позором пережить своего господина, продолжала биться, пока ночь не положила конец битве, длившейся и весь следующий день. Только на третье утро оставшиеся в живых готы вступили в переговоры (553 г.). В следующем году угасающий жар войны нашел поддержку в толпах *франков* и *аламаннов*, нахлынувших на театр войны под предводительством своих герцогов, желая грабежа и крови. Неудержимо стремились они вперед, все опустошая и разоряя: аламанны, еще язычники, не щадили и христианские храмы. Один из их герцогов мечтал даже, подобно Теодориху, захватить в свои руки власть над всей Италией, т. к., действительно, на некоторое время они завладели чуть ли не всем полуостровом, почти не встречая сопротивления. Однако Нарсес понимал, что их воинственность будет уменьшаться по мере возрастания добычи. Он напал на них в Кампании, на реке *Вольтурно*, и здесь произошла такая же битва, как некогда при Теламоне и Верцеллах — битва правильно устроенного и хорошо обученного войска против храбрых и многочисленных варварских полчищ. Говорят, что из всех германских хищников, участвовавших в этой битве, только пятеро успели спастись и уцелеть (554 г.). После этой победы Нарсес отпраздновал в Риме триумф — последний воинский триумф в этом городе. Последние толпы готов и их необузданных союзников, которые еще появлялись то тут, то там, были уже не страшны; часть их успела изъявить покорность и слилась впоследствии с остальным населением Италии; часть выселилась из Италии. Дольше всех сопротивлялся готский отряд в 7 тысяч человек, засевший в крепости Компса. В 555 г. война могла считаться оконченной.

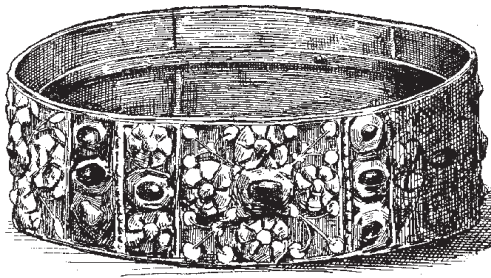
Экзархат. Нарсес, сумевший при константинопольском дворе внушить к себе уважение или страх, дал Италии новое внутреннее устройство, т. к. она теперь вновь превратилась в провинцию Восточной Римской империи. Еще 10 лет правил Нарсес Италией в качестве экзарха, и этот период итальянской истории носит название *экзархата*, т. к. в это время Италия была подчинена Константинополю и управлялась на греческий лад. Один из германских писателей того времени восхваляет Нарсеса за его благочестие и щедрую раздачу милостыни бедным и утверждает даже, что его победы следует скорее приписывать его ночным бдениям и молитвенным подвигам, нежели воинс-

кому искусству. При Нарсесе духовенство, неохотно подчинявшееся германскому владычеству, вновь получило преобладающее значение: Нарсес сумел ему угодить. Однако восстановление Рима в его прежнем значении не входило в расчеты константинопольской политики. Экзарх избрал своей резиденцией укрепленную Равенну, которая уже по положению на восточном берегу способствовала облегчению отношений с восточной половиной империи и ее столицей. Нарсес, оставаясь экзархом, пережил своего предшественника Велисария, скончавшегося в 565 г. в опале, и императора Юстиниана, с именем которого связано восстановление господства Восточной Римской империи в Африке, Италии и некоторой части Испании. Юстиниан скончался в один год со своим великим полководцем, после 37 лет правления, на 93-м году жизни. Впрочем, и Нарсесу впоследствии пришлось испытать на себе превратности дворцовой милости. Новый император *Юстин II* (565–578) отозвал его, вняв жалобам провинциалов на его притеснения. Он умер в 567 г. в то время, когда новая, последняя волна великого переселения народов надвигалась на Италию, чтобы еще раз наводнить ее полчищами германских воинственных пришельцев.

Этим народом были *лангобарды*, которые и раньше упоминались среди германских народов (первоначально в составе государства Маробода). Впоследствии они, вероятно, были покорены гуннами и вместе с другими племенами освободились после смерти Атиллы. Во время остготского господства они жили в Паннонии, на юге среднего течения Дуная, на месте, указанном Юстинианом для их поселения, и переселились сюда со своих прежних поселений на севере среднего Дуная. Ближайшими их соседями на востоке были гепиды, которые ближе, чем лангобарды, соприкасались со слабыми местами Восточной Римской империи. Таким образом, между лангобардами и Восточной Римской империей завязались благоприятные отношения, основанные на некоторой общности интересов. При покорении готов лангобарды даже помогали империи: многие из них служили в войске Нарсеса. Лангобардский король *Альбоин* отправил в помощь Нарсесу отборный отряд. Готы во время властвования в Италии, несомненно, возбуждали зависть остальных германских племен, т. к. обладание Италией для всех варварских народов представлялось высшей целью стремлений и лучшей наградой; следовательно, можно было задать вопрос: который из германских народов займет место готов в Италии? Мужество лангобардов давно уже было прославлено всюду, да и их король Альбоин пользовался славой беззаветного храбреца. Она особенно возросла с тех пор, как в 566 г. он закончил длинный ряд усобиц с *гепидами* победой, после которой даже имя этого народа почти исчезло: их король *Кунимунд* пал в битве, его дочь *Розамунду* победитель взял в жены и велел сделать себе из черепа тестя пиршественную чашу. Непосредственно побудил Альбоина к походу в Италию сам Нарсес. Озлобленный назначением нового экзарха Лонгина, Нарсес решил избрать этот дикий и храбрый народ орудием мести. Как бы то ни было, в 568 г. они отправились в поход. Писатели того времени упоминают о длинных холщовых одеждах, о короткой обуви с кожаными завязками, о прическе, как у женщин, разделявшейся про-

Вторжение лангобардов. 568 г.

бором посередине. К полчищам лангобардов примкнули многие удалыцы из других племен, потому что никто не сомневался в успехе Альбоина. В его войске были и гепиды, и болгары, и сарматы, и паннонцы, и свевы, и норийцы; к нему присоединилась и значительная по числу толпа саксов (около 20 тысяч человек с детьми и женами), которые, по замечанию историка того времени, звались «старыми друзьями Альбоина». В общем, силы его были не слишком многочисленны. Когда они перешли через Альпы и появились в Северной Италии, они нигде не встретили войска в открытом поле. Только *Павия*,

Железная корона лангобардских королей. Монца (Италия). Сокровищница.

Внутри короны зачеканено железное кольцо, сделанное, по преданию, из гвоздя с креста Христа.

сильно укрепленная еще при готах, оборонялась в течение трех лет от осаждавших ее лангобардов. Когда же наконец город сдался, Альбоин основал здесь свою резиденцию. Господство лангобардов было гораздо более суровым, нежели господство готов; война и охота были их излюбленными занятиями, при этом даже соседствующие области Галлии нередко подвергались их разбойничьим набегам. Римских подданных они заставляли заботиться о доставлении им всего необходимого для жизни и в виде дани взимали третью долю жатвы.

Господство лангобардов в Италии.

Целый ряд трагических преступлений, рассказ летописца о которых читается как эпическая поэма, в самом корне положил предел власти, соединившей лангобардов в грозную силу. Опьяненный вином Альбоин однажды так забылся на пиру, что заставил свою супругу Розамунду пить за его здоровье из кубка, в который был оправлен череп ее отца. *Павел Диакон*, описывающий это событие, утверждает, что он сам видел этот кубок, и клянется в том «именем Божиим». Розамунда отомстила супругу за эту безобразную жестокость: подговорила его оруженосца Гельмигиса и одного из его дружинников Перидея и ввела их в опочивальню, где Альбоин спал в опьянении. Летописец прибавляет, что меч Альбоина был заклепан, и он был убит, лишенный всякой возможности сопротивляться. Но Розамунде не впрок пошло ее злодейство: все лангобардские князья восстали против нее. Ей удалось бежать со своими сокровищами в Равенну и там запутать в свои сети эцарха Лонгина. Ее любимец, бывший оруженосец мужа, мешал ей в достижении цели, и она попыталась поднести ему яд. Однако он догадался, что она дала ему отраву, и силой заставил ее выпить остаток яда (573 г.).

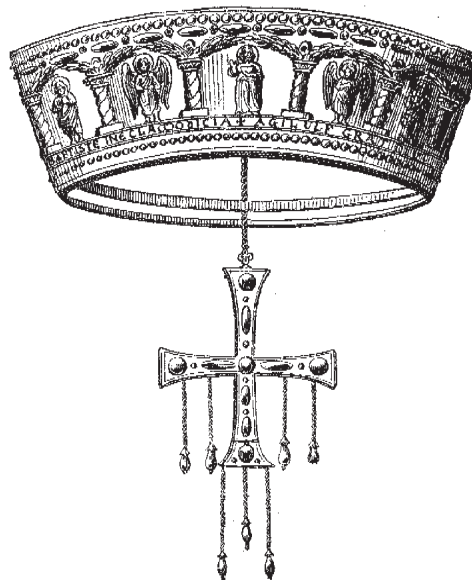
Лангобарды и римляне.

Король *Клеф*, наследовавший Альбоину, также был вскоре убит. Больше лангобарды не избирали короля, и каждый из 35 князей или *герцогов* (duces) правил известным округом, в котором он был полным властелином при помощи своей дружины. Это господство не представляло собой правильного строя, как господство готов, и не могло быть прочным. Прибрежная полоса

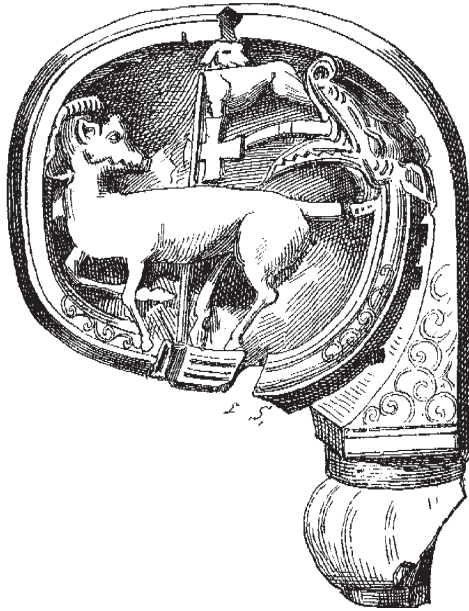
Италии — Романья, Лигурия, Сицилия, Сардиния, Корсика — подчинялась власти экзарха и составляла часть Восточной Римской империи, при этом религиозная рознь между романским местным населением и пришлыми завоевателями, яркими арианами, давала себя чувствовать еще резче, чем прежде, т. к. лангобарды стояли на более низкой ступени развития, нежели остготы. Постепенно лангобарды осознали свою разрозненность и опасность, которой ежедневно мог грозить союз между единовременными соседними странами, Франкским королевством и Восточной Римской империей. В 584 г. дело опять дошло до выбора нового короля. Это был сын Клефа Автари (584–590), который прошел через всю Италию со своими полчищами, и, коснувшись копьем столба, поставленного на берегу Мессинского пролива, горделиво произнес: «Доселе простирается земля лангобардов». Автари был женат на франкской княжне *Теоделинде*, воспитанной при дворе Гарибальда, герцога баваров. После смерти Автари она избрала себе в мужа герцога *Агилульфа Туринского*, который был провозглашен королем. Она была ревностной христианкой католического исповедания, и летописцы представляют ее женщиной выдающейся не только по красоте, но и по образованию. Вследствие религиозных побуждений и отчасти политических соображений она стала всеми силами обращать лангобардов из арианства в истинную веру. Она была очень близка с римским епископом *Григорием I*

Золотая корона Теоделинды, королевы лангобардов, супруги Автари (584–590), впоследствии супруги Агилульфа (591–616). Привезена в Париж Наполеоном, впоследствии похищена и в настоящее время известна только по старинным рисункам.

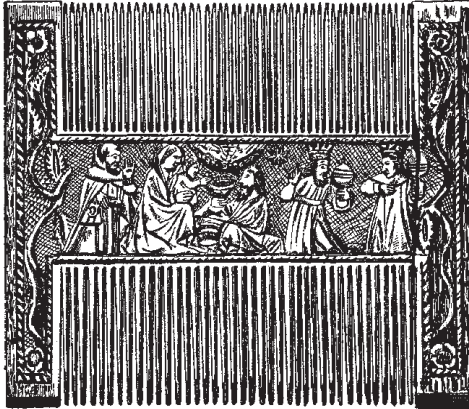

Золотая корона Агилульфа (591–616). Вотивная корона, аналогичная коронам вестготских королей в музее Клуни (Париж). Привезена в Париж Наполеоном.

*Посох Григория I (святого Григория Великого), римского папы (590–604).
Навершие слоновой кости. Рим. Церковь
святого Григория.*

Франкское государство в VI–VII вв.

*«Гребень Теоделинды».
Слоновая кость. Оправлен в золото и украшен драгоценными камнями.*

(590–604) и состояла в частых отношениях с Римом, который для всего поработанного романского населения был естественным центром их угнетенной веры и национальности. Но ее усилия не скоро привели к благоприятному исходу; и в том, что Павел Диакон рассказывает о короле Ротари, принявшем бразды правления в 636 г., выясняется трудность примирения религиозных противоречий. Восхваляя этого короля как храброго и правдивого правителя, Павел Диакон говорит, что «и он также не держался правой веры... и он также запятнан был лукавством арианской ереси, в силу которой почитал Сына менее Отца, а Св. Духа — менее и Отца, и Сына». И во всех городах Лангобардского королевства паства по-прежнему была разделена между двумя епископами — католическим и арианским. При таких условиях жизнь страны не могла быть успешной и правильной.

От этого ослабляющего элемента, от религиозных распрей было свободно только *Франкское государство*, и поэтому оно и все подвластные ему страны приобрели после Хлодвига некое господствующее положение на западе германского мира. Дважды, только дважды в течение 200 лет, в которые франками правили князья из рода Меровингов, вся страна франков соединялась под властью одного короля: в 558–561 гг. при *Хлотаре I*, младшем из сыновей Хлодвига, и в 613–628 гг. при *Хлотаре II*. За этими краткими периодами единения всегда следовали новые переделы территории между сыновьями и естественные последствия подобных

переделов — войны между братьями и родственниками и убийства. В эти усобицы должны были вступать их дружины, а за дружинами и большее или меньшее число свободного населения. Правление династии Хлодвига представляет собой удивительно однообразное чередование ужасов и злодейств, которыми отмечена вся эпоха; совершающиеся перед глазами наблюдателя чудовищные преступления невольно привлекают его внимание к отдельным деятелям этого круга. Кому не известно, например, соперничество в крова-

Теоделинда приносит по обету дары святому Иоанну.

Слева направо: Агилульф, Адальвальд (сын Теоделинды), Гундеберга (дочь Теоделинды), Теоделинда, св. Иоанн. Рельеф над входом в собор в Монце, заложенный Теоделиндой в 595 г. и перестроенный в XIV в. Большая часть изображенных на рельефе даров и в настоящее время хранится в ризнице собора.

вых злодеяниях, которым прославились две страшные женщины, характеризующие эту эпоху: *Брунгильда*, дочь вестготского короля Атанагильда, супруга австразийского короля Сигеберта I, и *Фредегонда*, плебейка-любовница Хильперика I, короля Нейстрии? Последняя начала свои подвиги с того, что приказала удавить во время сна супругу Хильперика Галсвинту, сестру Брунгильды, за этим последовал нескончаемый ряд злодейств, которые 40 лет спустя закончились тем, что сын Фредегонды Хлотарь II, которому Брунгильда попала в руки, приказал привязать ее к хвосту дикого коня, и тот разметал ее насмерть. Соединение грубейшей распущенности с самой утонченной жестокостью, при удовлетворении которой не уважаются ни божеские, ни человеческие законы, служит в этот страшный период отличительной чертой не только царствующего дома, но и всего народа, насколько о нем можно судить по его высшим классам. Слияние победителей с побежденными происходило здесь быстро, и так же быстро смешивались пороки римской испорченности с дикими проявлениями франкской грубости. Церковь смотрела на все это сквозь пальцы, радуясь, что эти пороки не сопровождаются наиболее тяжким — принадлежностью к арианству. Один из бытописателей очень верно сравнивает церковь того времени с нежной матерью, которая невольно

поддается естественной слабости к единственному сыну: всему верит, на все надеется, все переносит. Местное романское население здесь не должно было опасаться за свою собственность, как в соседних странах, завоеванных бургундами, готами и вандалами, или в Италии под владычеством лангобардов. Для франкских дружин, уже при Хлодвиге продвинувших границу своей территории далеко на юг, достаточно было завоеванной земли, чтобы обеспечить их земельными владениями, обогатить и дать возможность с необузданной страстью предаваться наслаждениям, которых так много представляла эта страна, цивилизованная уже в течение 600 лет. Среди подобных наслаждений быстро исчезла добродетель, за которую Тацит так восхвалял германских женщин и на которую уже Цезарь обратил внимание. Испорченность сообщила и духовенству, за которым здесь не наблюдало, как в Италии, Испании и Африке, враждебное ему арианское. Дружба епископов с королями имела то губительное последствие, что в епископы попадали люди недостойные и в свою очередь выказывали себя их прислужниками. Все было озабочено догматической правильностью религиозных верований и никто не заботился о правилах житейской нравственности. Но воспитывающая сила церковного учения и церковного порядка, конечно, и в эти злые времена не утрачивалась совершенно, и не было недостатка в духовных лицах, которые поддерживали ту величайшую истину христианского учения, что добрая вера должна быть поддержана добрыми делами, и подкрепляли это учение напоминаниями о каре, ожидающей грешников в загробной жизни; а это напоминание даже для полуязычников франков имело свое значение, т. к. вера в бессмертие души была свойственна и германскому язычеству.

Значение церкви в раннем средневековье.

В политическом смысле единство веры и могущество церкви, всюду поощряемой и обогащаемой, было очень полезно. Эта единая церковь сглаживала или, по крайней мере, до некоторой степени смягчала пагубные последствия, которые могли происходить от частых переделов государства. В церкви скапливались большие богатства, она распоряжалась громадными земельными владениями и этим оказывала большое влияние на экономическую сторону народной жизни. Однако она не в силах была воспрепятствовать нравственному падению, распространявшемуся среди франков, которые поселились на этой земле, богато одаренной от природы и требовавшей мало труда для обработки. Этой нравственной порче, вероятно, поддались бы и другие германцы, поселившиеся на римской территории, т. к. сила нравственного отпора среди них была не больше, чем среди франков. Но неожиданно для всех вдали от места действия излагаемой истории германских племен вырос враг, вскоре вынудивший их к борьбе за веру и власть, требовавшей напряжения всех физических и моральных сил. Этим врагом были *арабы*.